M MATUIIKA

D ЕДАКЦИЯ журнала «Магазин» попросила меня написать о Хелене Вейгель, и и легкомыюленно согласилась. Почему я это спелала? Я не театровед, не критик, а всего лишь одна из тысяч влюбленных в большую актрису и изумительного человека. Знаю я ее давно и близко, как обычный зритель, которого искусство этой женщины обогатило и облагородило.

Мое первое знакомство с Хелене Вейгель состоялось на большом расстоянии,

потому что для нее я была не больше соломинки на театральном «сеновале». Шел 1927 или 1928 год. Я ее видела с галерки в роли вдовы Бегбик в пьесе «Человек есть человек» Брехта, в «Хромом» Толлера.

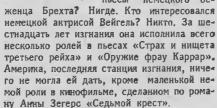
В те годы посещение театра было для нас редким и дорогостоящим событием. Молодые и пылкие, мы восхищались теми героями, в которых чувствовали родственный пыл. Поэтому мы и заметили Вейгель, ее горящие глаза, ее звучный гопос. Еще лучше узнали мы ее, встречая на мно-

гочисленных рабочих собраниях, где она выступала, пела и всегда говорила то, что нас волновало. Незабываемым было ее исполнение роли Пелагеи Власовой - матери, образ которой Бертольд Брехт гениально воссоздал для сцены. Один незаметный, но типичный для Хелене эпизод показал мне, что она все время неутомимо работает над ролью. Это было в 1957 году в МоЛилли БЕХЕР

скве, куда приезжал на гастроли Берлинский театр. Мы шли вместе по рынку, и она увидела веник, маленький веник, которым подметают пол. Хелли была в восторге: у нее появился новый реквизит для роли матери! Около тридцати лет играет актриса эту роль, которая принесла ей мировую славу. Но она все ищет, что-то новое, стремясь сделать свое исполнение еще правдивее, еще конкретнее, напоминая художника, который постоянно улуч-

давно готовую шает картину, нанося тонкие, едва заметные штрихи.

Воспоминания о ее Ниловне мы храним в наших сердцах. Особенно мне запомнился спектакль в Моабитском общественном доме, где в 1932 году она уже не могла играть, имела право только читать. В 1933 году к власти пришли фашисты. Покинув Германию. Хелене Вейгель и Бертольд Брехт прошли через Швейцарию, Францию, Данию, Швецию. Финляндию. Но

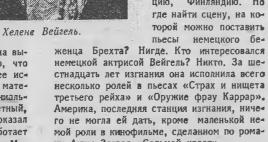
В те тяжелые годы мы, изгнанники, мало знали друг о друге. Случайно дошедшее письмо, антифашистская книга, листовка борцов движения Сопротивления. И тем не менее мы были единой семьей, нас объединяла общая любовь, общая ненависть, обшая тоска. Мы верили, что наш день придет. И он пришел. Победило дело, которому даже в самые горькие годы изгнания оставалась верна Хелене Вейгель.

И вот в 1949 году снова поднялся занавес Берлинского театра. По сцене катилась повозка матушки Кураж. В этот вечер началась новая глава в истории немецкого театра...

С тех пор эта повозка с триумфом прокатилась по сценам многих стран. Она стала таким же символом, как голубь Пикассо. Своеобразный талант Вейгель стал глубже, человечнее, зрелее. Несравнимы ее гувернантка в «Кавказском меловом кругу», ее «Еврейская женщина», кулачка в «Кошачьем рве» Штриттматтера, ее сердечная фрау Каррар и Василиса в «Падчерице» А. Н. Островского и, конечно, «Мать», в роли которой, как и в роли матушки Кураж, нам трудно представить другую актрису.

Хелене Вейгель руководит сейчас Берлинским театром. Как хорошо знает она сильные и слабые стороны каждого члена своего коллектива. Каждую деталь спектакля она проверяет с такой же тщательностью, как и оборудование театральной столовой, о которой она — это тоже одна из характерных черточек -- очень заботит-

Не будь она великолепной актрисой, из нее получился бы богатый идеями оформитель, старательный садовник или лесовод. Развалюху она может превратить в жилое помещение, заброшенный участок земли-в цветник. Она художник на сцене и за ее пределами.

DEANK TOPOAA, BUIT, MCKYCCTBO, MOAU,